

Валерий Черных

16+

ЛИЧНЫЙ ЗАКОН

Валерий Черных

Личный закон

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Черных В.

Личный закон / В. Черных — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Обстоятельства вынудили подающего надежды боксера Юрия Самохина вместо поступления в институт отправиться служить в армию. Война в Афганистане оказалась не только кровавой, но и лживой – Юрке довелось испытать это на собственной шкуре. Воровство и бардак в стране, куда вернулся демобилизованный десантник, окончательно подорвали его веру в прежние идеалы: в разрушающемся Советском Союзе грань между коммерцией и криминалом стала едва заметной. Стремительно меняющаяся действительность диктовала новые законы, но у Самохина был свой, простой и понятный, как армейский устав: есть дорогие ему, близкие люди — а остальные не должны мешать им жить.

Валерий Черных Личный закон

Б

...Рита стояла у окна, опираясь руками о подоконник. Он медленно подошел сзади, обхватил ее левой рукой за талию, а правую положил на бедро поверх мягкой ткани клешёной юбки. Девушка чуть дрогнула, но не отстранилась, закрыла глаза и слегка наклонила голову, подставляя шею под поцелуй. Поняв, что возражений не будет, он скользнул рукой на живот.

...Юрка медленно приходил в себя. Опять этот сон!.. Яркие солнечные лучи, нагревая кожу лица, прорывались сквозь веки. Он понимал, что уже довольно позднее утро, но открывать глаза не хотелось. Больно уж сон хорош, да и торопиться некуда. Выпускные экзамены сданы удачно, документы для поступления в институт везти только через неделю. Свобода, райское времечко! По ночам можно тусоваться с друзьями, поздно ложиться, поздно вставать...

Юрка крепко сжал веки, резко открыл глаза и на мгновение ослеп от заполонившего комнату солнца. Стряхнув с себя простыню, он несколько секунд наблюдал за танцующими в косом луче света пылинками, затем перевел взгляд на оттопыренные трусы. Тоскливо вздохнул, соскочил с кровати и рванул на улицу. От посторонних глаз двор защищен высоким забором, и он не стал натягивать треники, так добежал до туалета. Справив нужду, уже спокойным шагом двинулся к летней кухне.

У матери выходной, и на террасе уже кипит работа. Тихо гудит керогаз, капельки воды поблескивают бриллиантами на только что вымытых, расставленных рядами стеклянных банках. Еще не высохшие от росы свежие помидоры и огурцы живописной горой высятся в алюминиевых тазах. Огромный натюрморт дополняют кучка только что сорванной зелени и несколько головок чеснока. На другом конце покрытого цветной клеенкой стола дымится большая сковорода жареной картошки с мясом.

Юрка шумно втянул ноздрями аппетитный аромат, блаженно закатил глаза и хлопнул себя рукой по животу. Мелькнула мысль, что надо бы одеться, но он лишь торопливо умылся под уличным краном и устроился на табурете перед сковородой.

Появилась мама с большой миской в руках. Не переставая жевать, Юрка промычал: «Доброе утро».

– Доброе, доброе, только уже почти день, – усмехнулась она, поставила салат рядом со сковородой и присела напротив.

Юрка тут же подцепил вилкой большой кусок помидора с приклеившимся к нему колечком лука, за ним отправил в рот несколько кружков хрустящего огурца. Салат щедро сдобрен ароматным маслом – что может быть вкуснее?! Только картошка с мясом.

Юрка ел жадно, зачерпывая вилкой картошку, салат, запихивая в рот большие куски серого хлеба. Еда всегда доставляла ему огромное удовольствие, и он просто млеял, набивая брюхо.

Полюбовавшись на сына, Нина Ивановна встала и вернулась к керогазу, на котором что-то булькало в кастрюле.

– Надо бы малину собрать, – проговорила она, не намекая, а констатируя, что ему придется это сделать.

Юрка насупился, продолжая молча жевать. Он терпеть не мог собирать малину. Он вообще терпеть не мог домашние дела. Ну что такое?! Лето, экзамены позади, куча своих дел, а мать – с «трудовой повинностью»! Настроение упало: похоже, намеченный с пацанами поход на речку «накрывается медным тазом»... Однако спорить бесполезно.

Собрав вилкой остатки картошки со сковороды, он закинул её в рот и недовольным тоном поинтересовался:

– Сколько?

– Чего сколько? – переспросила мать.

– Сколько банок собирать?

Она обернулась.

– Банки три, четыре. Соберешь – и свободен.

Юрка с тоской посмотрел в сторону малинника у забора, поднялся из-за стола и пошел в дом одеваться.

Он торопился, шипы на ветках малины беспощадно кололи руки, ладони стали красными и липкими от сока спелых ягод. Соблазн отправлять малину в рот был велик, но банки наполнялись довольно медленно, и Юрка сдерживал себя, стараясь скорее закончить работу.

Он только взял в руки последнюю банку, когда с улицы послышался громкий протяжный свист. Поставив банку на землю, Юрка подтянулся на руках и повис грудью на заборе. С той стороны стояли два парня и девушка.

Юркины друзья, Рома и Виталик, жили в соседней трехэтажке. Ромка – высокий худой шатен со стильной стрижкой, которую он гордо именовал «маллет»: наверху и по бокам волосы короткие и пышные, а сзади прикрывают шею, как у западных рок-звезд. Угреватым, но симпатичным лицом Ромка и правда походил на известных музыкантов, чьи фото молодежь переснимала с альбомов. Виталик с виду был попроще, подстрижен коротко, но грубоватые черты лица как раз подходили к его коренастой, крепкой фигуре.

Ребята шурились на солнце и лузгали семечки, синхронно, будто по команде, сплевывая шелуху на землю. Немного позади них стояла девушка в желтом сарафане и шлепанцах-вьетнамках.

Сердце у Юрки замерло. Он не мог оторвать глаз от стройной фигуры и красивого юного лица. Волнистые, слегка выгоревшие русые волосы рассыпались по плечам, аккуратный носик слегка вздернут, острый подбородок под пухлыми губами, и глаза – огромные, как два колодца с сине-зеленой морской водой.

Рита, девушка Ромы, появилась в их компании недавно. Ромка рассказывал, что подцепил ее, возвращаясь ночью с танцев. Удивительно, что прежде они не пересекались, ведь Рита жила на одной из соседних улиц – правда, училась в школе другого района. Впервые увидев ее, Юрка был сражен наповал и одновременно испытал жгучую зависть к другу. Ну почему не он первый встретил Риту? Почему она не с ним? Зачем она Ромке, который не больно дорожит отношениями с женским полом? По сравнению с «домашними мальчиками», имевшими лишь некоторый опыт поцелуев на лавочках и в пыльных подъездах, Рому можно было назвать человеком искушенным. Зимой он учился в другом городе в техникуме, жил в общежитии. Если верить Ромке, нравы в общежитии царили, мягко говоря, свободные. Слушая, что молодежь вытворяет вдали от родителей, Юрик с Виталом тихо завидовали.

Рита держалась с ребятами запросто и слегка кокетливо, возникало ощущение доступности, возможности более близких отношений. Мысли о такой перспективе не оставляли Юрку ни на минуту. Он был не просто влюблен – он полностью растворился в своем чувстве и готов был пожертвовать ради девушки не только дружбой, но и всем на свете. Любые удовольствия

меркли перед возможностью быть рядом с любимой, слышать ее голос, ловить мимолетный взгляд волшебных глаз, украдкой касаться ее рук, плеч, волос...

В мечтах и снах Юрка мог позволить себе все, однако наяву с девушками был стеснителен и робок – несмотря на то, что среди друзей имел статус крутого пацана, чему немало способствовали его успехи на боксерском ринге.

Четыре года назад его, худющего и слабого подростка, жестоко избил двое соседских мальчишек. Обида была настолько сильной, что Юрка не один день таскал с собой складной ножик, мечтая рассчитаться с обидчиками, подкараулив их поодиночке. Мать сердцем почувствовала душевное состояние сына и отвела Юрку к другу его отца – тренеру секции бокса. Отец погиб в шахте, когда Юрке не было и семи лет, в памяти остались лишь широкие плечи, на которых удобно было сидеть во время их совместных прогулок, громкий раскатистый смех и сильные, теплые руки с шершавыми ладонями.

Тренер, Виктор Иванович Терехов, придирчиво осмотрел худенького парнишку, дружески хлопнул его по спине и добродушно выдал:

– Кости есть – мясо нарастет! Батя твой таким же задротом до армии был. Это уж потом, после десанта, он пальцами гвозди гнул.

Четыре года Иваныч гонял Юрку до седьмого пота, вколачивая в него – в прямом и переносном смысле – боксерскую науку. Результат превзошел все ожидания. Поначалу тренер не считал Юрика перспективным спортсменом, не делал на него ставку, но трудолюбие и самоотверженность подопечного, помноженные на несомненный талант, заставили его по-новому взглянуть на сынишку друга. Побеждая соперников на официальных соревнованиях одного за другим, Юрка быстро завоевал авторитет в боксерских кругах и, наконец, в этом году стал абсолютным чемпионом области в своей возрастной категории и получил «кандидата в мастера спорта».

Детские обиды давно забылись, однако бывшие обидчики старались обходить стороной соседа, который теперь выглядел весьма внушительно. За эти годы из мелкого заморыша Юра Самохин превратился в высокого широкоплечего красавца с волнистой черной шевелюрой и телом настоящего атлета. Иваныч строго-настрого запрещал уличные стычки. Но и без предупреждений тренера Юрке не приходилось использовать кулаки: успехи юного спортсмена были хорошо известны уличной шпане. Кто в здравом уме станет задирать его, рискуя не по-детски получить в челюсть?

– Привет, – за всю компанию поздоровался с головой друга над забором Рома, – ты на речку пойдешь?

Вместо ответа Юрка оглянулся назад и, убедившись, что мать по-прежнему возится с закрутками, утвердительно кивнул.

– Пять минут, – пообещал он, прежде чем скрыться за забором.

Подхватив заполненные банки, он трусцой рванул к летней кухне.

– Ма, вот, я собрал три. Там ребята пришли, на речку зовут.

Глядя на недостаточно полные банки, Нина Ивановна с легкой укоризной покачала головой и безнадежно махнула рукой. Юрка благодарно чмокнул ее в щеку, одним махом перепрыгнул через перила веранды и кинулся в дом надеть плавки. Мать, слегка улыбаясь, с нежностью проводила сына глазами.

Проваливаясь по щиколотку в золотистый песок, компания на ходу сбросила одежду и с криками и гиканьем влетела в реку. После долгого пути по полуденной жаре прохладная вода приятно обжигала разгоряченные тела, вызывая безудержный восторг. Парни громко смеялись, ныряли, плавали наперегонки. Рита, поплескавшись у берега и немного проплыв вниз по течению, вернулась и вышла на берег. Собрав в стопку разбросанную одежду, она улеглась на

песке лицом к солнцу. Ребята продолжали беситься в реке, запрыгивали друг другу на плечи, плескались водой в лица, ныряли на дальность.

В это утро на берегу было довольно многолюдно. Люди компаниями сидели на покрывалах, разложив перед собой нехитрую снедь и спиртное, выпивая и закусывая по поводу выходного дня. Некоторые «несознательные товарищи» в изрядном подпитии прогуливались по пляжу, наглыми взглядами оценивая молодых женщин в купальниках.

Разомлев под жарким солнцем, Рита лежала с закрытыми глазами и сквозь дрему прислушивалась к воплям резвящихся в воде друзей. В какой-то момент она ощутила, что солнечные лучи перестали греть кожу, и открыла глаза. Два худющих парня лет двадцати пяти, в цветных «семейниках», застыли над ней и разглядывали, нагло ухмыляясь. Нахалы выглядели отвратительно, в глаза бросались многочисленные татуировки, в беспорядке «украшавшие» их тела. Рита невольно поморщилась.

– Цыган, ты зацени, какая лярва, – плотоядно облизывая губы, медленно процедил один из них.

Второй, темноволосый, кивнул и тут же плюхнулся на песок рядом с Ритой.

Девушке не надо было приноживаться, чтобы понять: эти ублюдки вдрызг пьяные. Она быстро встала, чтобы уйти, но устроившийся рядом схватил ее за руку и резко дернул вниз. Не удержавшись, Рита упала лицом в песок, при этом чашечка ее купальника сползла вниз, полностью обнажив левую грудь.

– О-па, гляди, стриптиз! – захолопал в ладоши Цыган.

От обиды и стыда слезы рекой хлынули из глаз. «Целый пляж народа, и никто не вступится!» – думала Рита, одной рукой смахивая с лица слезы вперемешку с прилипшим песком, а другой поправляя купальник.

– Рома! Рома! – громко крикнула она в сторону реки.

Выбежавший из воды Ромка в несколько прыжков одолел полосу рыхлого песка, загородил собой девушку от обидчиков и обеими руками резко толкнул в грудь стоящего перед ним подонка. Парень отлетел на метр, но, махая руками, как мельница, все же умудрился не упасть. Сидящий на песке не торопился вставать, он нагло глядел снизу и вдруг схватил Ромку за ноги и сильно дернул на себя. Упав навзничь, Ромка больно ударился спиной, но тут же попытался подняться, тем более что первый уже заносил ногу, целясь ему в лицо...

И тут подоспел Юра. Практически на ходу он нижней частью ладони врезал в нос стоящему и почти одновременно нанес удар ногой в голову второму ублюдку. Оба свалились друг на друга, страшно матерясь и угрожая расправой в будущем. Точку в инциденте поставил немного замешкавшийся в воде Виталик, с разбегу врезав пяткой в нос одному из обидчиков Риты. Рома в это время уже обнимал девушку и успокаивал ее.

– Козлы, весь отдых испортили! – еще раз пнул Цыгана ногой Виталик.

– Уроды! – поддержал Юра и двинул ногой в живот второго.

Еще немного попинав ногами пьяных, ребята оделись и не спеша поплелись домой.

Настроение было отвратительным, однако неприятные воспоминания о походе на речку беспокоили друзей недолго, к вечеру они договорились встретиться в городском парке – там по выходным на специальной площадке проходили танцы.

Юра нашел своих друзей на одной из боковых аллей. Рита, Рома и Виталик устроились на спинке парковой скамьи, поставив ноги на сиденье. Кто и когда придумал такой способ использования скамеек, никто не знал, однако молодежь неукоснительно ему следовала. Завидев друга, ребята весело замахали ему руками, а Виталик тут же вытащил из-под подола рубахи бутылку дешевого яблочного вина с бумажным стаканчиком на горлышке.

– Юрок, ну ты чё так долго? Винище киснет, а мы слюной давимся.

Юра удивленно развел руками.

– Витал, ну ты как «здрасьте»! Я же не пью, тем более такое дерьмо.

Рома с Виталиком негромко заржали.

– Ну и ладно, нам больше достанется, – вынес вердикт Рома. – Тогда, может, ты пока в очередь за билетами? А мы маханем по стакану и за тобой подтянемся.

– Деньги давай, – утвердительно кивнул Юрка.

Пересчитав полученную от ребят мелочь, он перепрыгнул кусты и через парк двинулся на звук настраиваемой электрогитары. Он отошел уже довольно далеко, когда, как удар в спину, его догнал душераздирающий девичий крик. Резко остановившись, Юра развернулся и кинулся назад, пересекая газоны и дорожки, рассыпая на бегу зажатые в кулаке монеты. Преодолев последнюю преграду – кусты, он выскочил на площадку перед скамейкой, на которой оставил друзей. Переводя дыхание, он на мгновение застыл, пытаясь понять, что здесь случилось. Рома лежал на бетоне, скрючившись и прижимая руки к животу. Рядом на коленях стоял Виталик и неумело пытался оказать помощь. Рита беззвучно рыдала, зажимая рот рукой и вздрагивая всем телом. Привлеченные криком, к месту событий подтягивались парни и девушки, образовалась небольшая толпа, однако приблизиться к лежащему Роману никто не решался. Юрка заметил все это в какое-то мгновение, пока был в ступоре, а после резко дернул за плечо Виталика, разворачивая его к себе лицом.

– Что здесь произошло? – неожиданно спокойно спросил он.

Виталик, не отпуская голову друга, залепетал, почему-то виноватым тоном.

– Представляешь... эти два козла с пляжа, ножом... Понимаешь, все так быстро! Я даже встать не успел, быстро так...

На последних словах голос Виталика дрогнул, будто он собирался заплакать. Юрка оглянулся вокруг. Ублюдков с пляжа поблизости не наблюдалось.

– Где они? Куда двинули? – проорал он Виталику в ухо.

Тот в ответ только замотал головой.

– Не знаю! Вроде туда! – и он неопределенно махнул рукой в сторону парка.

Двое взрослых крепких парней грубо растолкали зевак, отодвинули Виталика и, присев на корточки рядом с раненым, быстро осмотрели его. Затем обменялись взглядами и синхронно покачали головами. В одном из них Юрка узнал начальника уголовного розыска города, капитана Косматенко. Он не раз видел его во время тренировок: для поддержания физической формы капитан и его сотрудники регулярно посещали спортзал. Юра не мог вспомнить его имя, хотя почему-то сейчас это казалось ему очень важным. Не отрываясь глядя на милиционера, он не заметил, как через толпу протиснулись врач скорой помощи и два санитары с носилками. Врач склонилась над раненым, санитары тем временем деловито развернули сложенные носилки.

– Что здесь? – вопросительно кивнула врач капитану.

– Хреново! – коротко бросил он. – Ножевое, похоже, глубоко. Парень уже в отрубе.

Выпрямившись, врач сделала знак санитарам. Двое мужиков в белых халатах уложили Романа на носилки и потопали в сторону выхода из парка.

Виталик, не двигаясь с места, как замороженный, проводил их глазами. Он так и сидел на бетоне. Косматенко с товарищем подняли его на ноги, и капитан слегка похлопал парня по щекам, приводя в чувство. Затем окинул его взглядом с ног до головы и коротко бросил:

– Едешь с нами.

Поддерживая под локти, они повели Виталика к стоящей у входа в парк милицейской «канарейке». Тот шел, слегка подволакивая ноги, вряд ли соображая, что с ним происходит. Юра глядел вслед и вдруг бросился догонять их.

– Товарищ капитан, товарищ капитан! – кричал он. – Куда вы его? Зачем?

Капитан удивленно обернулся, посмотрел внимательно и спокойным, достаточно дружеским голосом ответил:

– Как куда? В отдел. Снимем показания, оформим. А ты, кажется, Самохин, верно? Товарищ его? – и, после Юриного кивка, поинтересовался: – Может, видел чего?

– Нет, не особо. Но тех, кто Рому... – Юрка запнулся, не зная, как назвать то, что произошло с другом. – Короче, я их, кажется, знаю.

– Ага. Тогда давай за нами. В отделе разберемся.

Косматенко ускорил шаг, продолжая держать Виталика за предплечье.

Кабинет начальника уголовного розыска выглядел более чем скромно. Справа у стены обшарпанный диван, напротив него большой письменный стол с допотопной лампой и массивным письменным прибором. Позади стола стеллаж с какими-то пыльными журналами и папками, в углу коричневый сейф, а на нем небольшой круглый аквариум. После вечерней свежести улицы Юра с трудом вдыхал спертый воздух милицейского кабинета. Видимо, и капитан ощутил то же, потому что, усадив друзей на скрипучий диван, он распахнул зарешеченное окно настежь и только после уселся за стол. Посмотрел критическим взглядом на обоих парней, как бы оценивая их состояние, встал, налил из графина воды и протянул Виталику. Тот трясущимися пальцами обхватил стакан с белесыми разводами и осушил его одним махом.

– Ну, кто первый расскажет, что случилось? – спросил Косматенко, вернувшись на свое место.

Виталик зачем-то встал, будто в школе.

– Как зовут? – поинтересовался капитан.

– Виталий, Лядов, – слегка дрожащим хриплым голосом ответил тот и сбивчиво начал: – Мы, это... Сидели спокойно...

– Бухали? – уточнил следователь.

– Да так, по стакашу, – виновато качнул головой Виталик. – И тут эти двое подвалили, наехали. Рома их послал, ну а один – сразу ножом! Я сначала не понял, думал, просто рукой под дых дал. Потом смотрю – нож у него в крови, и Ритка орет как сумасшедшая. Я подорвался, а эти – ходу!.. Рома на меня завалился и хрипит. Потом Юрка прибежал, потом вы... Ну и всё...

Капитан задумчиво потер рукой подбородок, скрипя отросшей к вечеру щетиной, потом внимательно глянул на Юрку и, обращаясь почему-то к нему, произнес:

– Как-то странно: наехали, послал, и сразу ножом... Я так понимаю, тебя в это время не было?

– Не было, – буркнул Юра, – я за билетами пошел, на крик прибежал.

– Видел кого-нибудь?

– Нет, но я знаю, кто Рому порезал. Мы утром на пляже с этими уродами сцепились, ну и выписали им.

– Выписали? Давай поподробней.

– Ну, мы утром на речке были. Эти два расписных урода к Рите пристали, купальник ей порвали, Ромке двинули, ну я и встрял. Попинали мы их слегка.

– Слегка? – капитан недоверчиво усмехнулся. – Ты, Самохин, насколько я помню, у Виктора Иваныча в чемпионах ходишь.

– А это здесь при чем? – возмутился Юра. – Говорю же, слегка. Даже без крови, просто поучили немного.

– Ладно, разберемся. Лучше скажи: ты этих уродов знаешь?

– Нет, – помотал Юрка головой. – Первый раз видел.

– А ты? – обратился Косматенко к Виталику, который уже перестал трястись и сидел, откинувшись на спинку дивана.

– Не, я тоже не видел.

– Понятно, – Косматенко придвинул к себе чистый лист бумаги и черкнул несколько слов. – Сейчас придет мой сотрудник и подробно все запишет. А вы пока вспоминайте, как эти парни выглядели, о чем говорили, в общем, все мелочи. Так их легче будет найти.

– Я думаю, это «химики» со стройки, – неожиданно выдал с дивана Виталик.

– «Химики»? – переспросил капитан.

– Ну да, которые на строительстве ниточной фабрики работают.

Косматенко почесал в затылке. Он, конечно, понял, кого имеет в виду Лядов. «Химией» народ называет принудительные работы. Официально, согласно Уголовному Кодексу РСФСР, исправительные работы без лишения свободы. После этапирования заключенного в спецкомандатуру его селят в специальное общежитие, и работать он должен на определенном предприятии. Обычно «химики» – это осужденные за незначительные преступления.

– С чего взял, что «химики»?

– Так говорю же, расписные, в татуировках. Точно – уголовники!

Капитан кивнул. В последние пару лет в их относительно спокойном провинциальном городе резко возросло число правонарушений, как раз с тех пор, как на строительство фабрики, которое ведется уже четыре года, стали присылать так называемых «химиков». Казалось бы, причины тенденции ясны, но Косматенко не считал, что виноваты только осужденные. Местная молодежь часто сама цеплялась к чужакам, провоцируя драки и разборки. Однако, если пацаны не врут, это не тот случай.

– Надо было вам утром в милицию обратиться...

От мысли, что придется перетряхнуть пять этажей общаги «химиков», капитану стало очень тоскливо и захотелось водки. Однако, несмотря на воскресный вечер, он не мог себе этого позволить. Кинув взгляд на часы, Косматенко устало вздохнул и снял трубку телефона.

– Здравия желаю, товарищ подполковник. У нас ЧП, ножевое, думаю, с летальным. Предполагаю, что это «химики», поэтому необходимо усиление, будем шерстить общагу... Да, да, свидетели имеются, так что работать будем не вслепую... Есть... Понял, выполняю.

Закончив разговор и положив трубку на аппарат, он перевел взгляд на двух друзей.

– Через полчаса выдвигаемся. Поедете с нами. Только сидеть тихо и дышать по команде!

Юра с Виталиком из милицейского уазика наблюдали, как рота солдат местного гарнизона под командой капитана внутренних войск проводит оцепление пятиэтажного здания. Тем временем Косматенко, вооружившись большим серебристым мегафоном, призывал жителей общежития сохранять спокойствие и оставаться на своих местах. Как только кольцо оцепления сомкнулось, капитан дал отмашку своим людям и тут же вошел в общагу в сопровождении десятка милиционеров и нескольких оперов в штатском. Юра с Виталиком переглянулись: а про них что, забыли?

Практически все окна в пятиэтажке ярко светились и были открыты настежь. На улицу доносились крики, матерная брань и угрозы в адрес тех, кто затеял проверку документов. Из установленной в машине рации периодически слышались переговоры сотрудников милиции, дежуривших в разных концах города. Увлеченный тем, что происходит в общаге, Юрка не обращал внимания на искаженные помехами голоса, пока не услышал знакомую фамилию. Кто-то сообщал, что его друг умер в больнице. Юра застыл в оцепенении, уставившись расширенными глазами на рацию. Ромки, с которым они еще утром вместе дурачились на пляже, больше нет?! Мозг отказывался это признавать... Виталик, похоже, не расслышал сообщения и продолжал с любопытством следить за тем, что творится в общаге. Надо ему сказать, понимал Юра, но не мог произнести страшные слова.

Теснота и духота милицейской машины вдруг показались ему невыносимыми, и, рванув ручку дверцы, он выскочил на улицу. Теплый летний воздух несколько не остудил разгоряченное тело, и Юра машинально расстегнул рубашку. Пересохшее горло словно натерли наждаком. Оглядываясь по сторонам в поисках уличной колонки или крана с водой, он заметил две

шатающиеся фигуры, только что появившиеся из-за угла соседнего здания. При виде оцепления из солдат фигуры замерли, еще секунда, и они попятились назад... Юра напрягся. Даже ночью, при плохом освещении, он сразу узнал двух уродов с пляжа.

– Виталик, зови капитана! – крикнул он в сторону открытой двери машины и бросился за угол.

Догнать пьяных «химиков» оказалось нетрудно: они то и дело спотыкались и падали. Настигнув первого, Юрка ухватил его за рукав и от души врезал прямо в лицо. Раздался хруст, нос противника прилип к щеке, на белую майку хлынули потоки крови. Услышав дикий вопль товарища, второй остановился и обернулся, одновременно доставая нож.

Нож! Наверно, тот самый...

Кровь ударила в голову Самохину. Плохо соображая от нахлынувшей ненависти, он бесстрашно ринулся на противника, который уже занес руку. Стальное лезвие блеснуло в свете фонаря. Юрка начал инстинктивно уходить вбок от удара и это его спасло: нож прорезал лишь провисшую ткань расстегнутой до пояса рубашки. Прежде чем противник понял, что не задел его, Юрка со всей силы двинул ему в челюсть. Хук получился идеальный, как учили – локоть под прямым углом. Выронив нож, «химик» беззвучно рухнул навзничь. Сзади уже слышался топот ног подбегающих милиционеров, но разъяренный Самохин, сидя верхом на поверженном противнике, все продолжал наносить удар за ударом.

Когда сотрудники милиции с трудом оттащили озверевшего парня, лицо лежащего на земле уже превратилось в кровавое месиво. Один из оперов приложил пальцы к шее «химика» и, не найдя пульса, отрицательно покачал головой. Затем он аккуратно, двумя пальцами, поднял с земли нож и понес его в машину. Тем временем Косматенко двумя руками удерживал Самохина за шею, пытался заглянуть ему в глаза, но тот упрямо смотрел в сторону, не переставая повторять сквозь прерывистое дыхание:

– Тварь, тварь, тварь...

Поняв, что ему не удастся привести парня в чувство, начальник УГРО передал его в руки двух сотрудников, приказал отвезти в свой кабинет и проследить за ним.

Только спустя два часа Косматенко вернулся в управление. Когда он вошел к себе, сидевший на подоконнике у распахнутого окна Юра спрыгнул на пол и застыл с вопросительным выражением на лице.

Капитан молча прошел к своему деревянному потертому стулу, уселся и, опустив голову, уставился в крышку стола. Юра некоторое время смотрел на него, затем решился заговорить.

– Я...

Косматенко резко поднял голову и рявкнул:

– Рот закрой! Ты вообще соображаешь, что натворил? Ладно, я – втык получил за твои художества и еще получу, но ты-то – сядешь!

– За что?! – искренне не понял Юра.

– За убийство, родной, за убийство!

Самохин даже задохнулся от возмущения. Он действительно не чувствовал за собой вины и крикнул в ярости:

– Так он же убийца и меня пытался убить!

Капитан только безнадежно махнул рукой.

– Баран ты малолетний! Его что – суд убийцей признал? Нет! Максимум, что ему могли вменить, это тяжкие телесные: друг-то твой не сразу, а в больнице умер. А возле общаги – не он на тебя напал, а ты! Думаешь, второй свидетель будет молчать на следствии? Не будет, свалит все на тебя. Так что по всем раскладам получается, что тарыхеть тебе, как медному котелку!

От несправедливости такой перспективы Юрке стало горько и обидно, так обидно, что он едва не разревелся, как в детстве. Да еще разбитые до крови костяшки пальцев начали жутко болеть...

Как же так? Полчаса назад он чувствовал себя почти героем, который сумел отомстить за смерть товарища, задержал бандитов. И пусть один из них умер при задержании – так на то он и бандит! А со слов капитана выходит, что это он, Юрка, бандит и убийца, который напал на прохожих.

– Как же так получается? – обреченным голосом спросил он.

Косматенко пожал плечами и коротко ответил:

– Такой закон.

– Хреновый твой закон! – взвизгнул Юра, вдруг перейдя на «ты» с начальником УГРО. Капитан неодобрительно покачал головой.

– Знаешь что, парень? Заканчивай тут орать, не на уличной разборке... Давай так: сейчас домой поедешь, а завтра придешь сюда в девять утра. Посмотрим, что можно для тебя сделать. Семенов! – крикнул он в сторону двери и, когда в комнате появился дежурный сержант, приказал: – Отвезите этого «героя» домой на дежурной машине. Просто не отпускать, матери сдайте с рук на руки.

Юрка спал беспокойно, ворочался с боку на бок, скрипел зубами, иногда выкрикивал ругательства. А Нина Ивановна так и не сомкнула глаз, всю ночь проплакала на веранде, шепотом читая молитвы.

На удивление, утром Юрка проснулся бодрым и хорошо отдохнувшим. Сделав небольшую разминку, он двинул завтрак на террасу летней кухни.

Мама была уже там, но не хлопотала, как обычно. Устроившись напротив сына, она молча наблюдала, как он ест. Ее опухшее после бессонной ночи лицо выражало бесконечную любовь и скорбь. Юра орудовал вилкой, не поднимал глаз, но ему казалось, что он кожей ощущает взгляд матери. Закончив завтрак, он укоризненно взглянул на нее, встал с места и положил ей руки на плечи.

– Ма, ну ты чё? Всё будет хорошо.

Мать безнадежно махнула рукой, промокнула кухонным полотенцем навернувшиеся слезы и еле слышно произнесла:

– Как же, хорошо... Посадят тебя, дурака.

– Посадят – отсиджу! – упрямо и резко отрубил он. – Я прав! И никто не докажет мне обратное.

Нина Ивановна опять заплакала. Юра быстро развернулся и пошел в дом.

В городское управление МВД он явился ровно в девять, однако дверь в кабинет начальника УГРО оказалась запертой. Постучав несколько раз, он недоуменно пожал плечами, огляделся и присел на один из стульев, стоящих вдоль стены. Косматенко пришел только через час, вместе с Юркиным тренером. Появление Иваныча стало для парня полной неожиданностью. Вскочив на ноги, он замер. Терехов слегка кивнул и вошел в распахнутую капитаном дверь. Видя, что Юрка не двигается с места, Косматенко махнул ему рукой: заходи.

Хозяин кабинета занял свое место, гость устроился по другую сторону стола, Юрка сесть не решился.

– Ну что, – начал капитан, строго взглянув на Самохина, – скажи спасибо Виктору Ивановичу. Если б не он, сидел бы ты сейчас у меня в клетке. Короче: решено отправить тебя в армию. Восемнадцать уже стукнуло – самое время послужить Родине. Послезавтра спецнабор в десантуру, так что готовься – и вперед. Вали отсюда!

Юра стоял, не понимая, радоваться или огорчаться. Он действительно был самым старшим в классе, поскольку пошел в школу с восьми лет. Мама после гибели отца слегла, почти год он жил в деревне у бабушки.

«Институт накрылся медным тазом, – промелькнуло в голове, – но ведь и не сажают! А армия?.. Ну, пусть будет армия».

Он сделал шаг в сторону своего тренера, но Иваныч жестом остановил его.

– Иди, сынок, – необычно ласково сказал он, – через час жду тебя в спортзале, там и поговорим.

Самохин неловко поблагодарил – не то тренера, не то капитана, – попрощался и покинул кабинет.

Странно было видеть пустой спортзал, обычно Самохин бывал здесь во второй половине дня, когда одни ребята молотили по грушам, а другие сражались в спарринге. Виктор Иванович понуро сидел на длинной и низкой спортивной скамье под шведской стенкой. Юра без слов пристроился рядом. Обернувшись, тренер положил ему руку на плечо и заглянул в глаза.

– Такие дела... Не думал я, Юрок, что так все сложится. Ну да ладно, главное, срок не получил. Армия все-таки не тюрьма. Да и два года пролетят – не заметишь. Ты там корочки свои предьяви, может, в спортроту определят.

Иваныч говорил каким-то занудным, жалостливым тоном. Юра молча слушал и чувствовал, как в глубине души нарастает раздражение: старик причитает, как на похоронах! Он ни капли не раскаивался, не жалел о том, что совершил, и о том, что его ждет. И вообще он терпеть не мог, когда его жалели.

Тренер еще несколько минут что-то объяснял, сокрушался, давал наставления. Юрка молча кивал в такт его словам, но смысл их уже не доходил до него.

Наконец Иваныч умолк. Юра с благодарностью обнял его, обвел взглядом ставший родным спортзал и поднялся со скамьи.

– Вы, Виктор Иванович, не сердитесь на меня. Вернусь – на всесоюзные будем пробиваться.

Старик встал, они еще раз обнялись, и Юрка направился к выходу.

– Шобы понимать – надо чувствовать, а шобы чувствовать – надо понимать, – глубоко-мысленно изрек Семёныч и, помолчав, добавил: – Кому-то с рождения дано душу за других рвать, другие по жизни начинают проникаться, но в основном так и живут пнями, тока тупеют и черствеют с годами. Молодой ты ишо. Кровь играет, а мозг слабый. Но жизнь, она все поправит, поделит всех – кому служить, кому править, ну а кому – просто быть вольным.

Водянисто-серые глаза Семеныча пристально смотрели из-под старческих сморщенных век прямо Юрке в лицо, будто он пытался понять, дошёл ли до парня смысл сказанного. Тот молчал, слегка удивленный философскими излияниями старика.

Зная Семеныча года три, Юрка не подозревал, что этот девяностолетний, но еще довольно крепкий старикан способен на философские рассуждения.

Семёныч жил в казачьей станице, рядом с городом. Когда-то он был кузнецом и пользовался авторитетом у местных, но совхоз развился, и в какой-то момент оказалось, что кузня уже не может соперничать с современными ремонтными мастерскими, да и сам кузнец состарился, не справляется с тяжелой работой. Однажды, без видимого сожаления, он повесил тяжелый замок на широкие ворота кузни и мелом написал на досках: «Закрыто». Однако малая совхозная пенсия не позволяла Семенычу спокойно лежать на боковой, к тому же натура у старика была деятельная. Достав из подпола оставшийся еще с гражданской тяжелой офицерский палаш, он нарубил возле речки ивняка и принялся за работу: стал плести корзины и вентера – хитрые приспособления вроде чернильниц-непроливаек для ловли рыбы и раков. И корзины, и вентера у Семеныча выходили добротные, ладные, станичники брали их с удовольствием. Цены старик не задирает, иногда отдавал товар просто в обмен на продукты или другие необходимые вещи. Семья он не имел, поэтому обходился минимумом, хотя хозяйство

имел справное: просторную хату, огород, с десяток кур. Дед слыл бирюком, помимо продажи корзин с местными не общался, разве что с молодняком. Он охотно учил подростков ловить рыбу, раков и лесную дичь. Пацаны не стеснялись обсудить с Семенычем любые возникающие в жизни проблемы. Нередко зимними морозными вечерами они собирались в его просторной хате, приводили с собой девчонок, крутили магнитофон, танцевали. По поводу спиртного дед был строг, приносить запрещал. Иной раз «любители» покупали дешевое вино и выпивали его заранее, по дороге, но старались особо не перебирать, потому что сильно поддатых старик отправлял на мороз проветриться, а если заартачатся, так еще и тяжелым подзатыльником провожал.

Сегодня Юрка пришел к старику еще затемно. Тот молча выслушал сбивчивый рассказ о том, что произошло, и полностью поддержал парня. Затем они отправились с удочками на берег небольшой речушки.

Отчего-то не клевало, хотя утро было тихое, по-летнему ясное, и вода гладкая как зеркало. Только лягушки будоражили ее то тут, то там, высывая зеленовато-бурые мордочки из-под воды.

Слегка удивленный сентенциями старика, Юрка некоторое время молчал, затем спросил: – Ну а ты, Семеныч, из каких будешь?

Старик хитро глянул из-под густых седых бровей и усмехнулся:

– Я? Я, должно, из вольных. Меня по жизни кто только приручить не пытался: красные, белые, серо-буро-малиновые... И бабы – те прям сразу хомут норовили на шею надеть. С властью, сам знаешь, у меня тоже взаимной любви не случилось. Не нравится ей, когда люди по свободе живут. Власть, она ж как баба, все время норовит тебя в ярмо запрячь.

Юрка помнил, как дед периодически гонял в станице представителей власти, пытавшихся отобрать у него лошадь – отчего-то советская власть запрещала частникам их держать. Доставалось и директору совхоза, и председателю сельсовета. Однажды по жалобе даже сотрудники КГБ приехали. Вошли к Семенычу в хату, увидели немощного седого старика, сидящего на табурете посреди практически пустой горницы, и несколько минут с удивлением пялились на «грозу» местной власти. Тем временем весть о предстоящем аресте разнеслась по станице, на улице собрался народ.

Старший гэбэшник отвел в сторону председателя сельсовета и тихо сказал:

– Ты совсем на голову больной? На кого жалуешься? Старик одной ногой на кладбище!

– Да он артист! – возмутился председатель. – На кладбище, как же... Коня втихую держит, с саблей по станице разгуливает. Да он десяток таких, как мы, запросто уложит и не вспоетет! Ну упакуйте вы его в дурдом от греха!

Сотрудник оглянулся на толпу.

– Ты это людям предложи. Гляди, сколько на защиту набежало. Ты здесь власть, вот и находи общий язык с народом.

С этого дня Семеныча оставили в покое. Тот хулиганить перестал, но коня на совхозную конюшню не сдал, так и продолжал держать его в лесном балагане у речки.

– Скажи, Семеныч, а ты вот так долго живешь, потому что «вольный»? – попробовал подначить старика Юрка.

Семеныч в ответ рассмеялся:

– Я, сынок, по молодости одной старухе с косой столько клиентов поставил, что она, видать, мне за это отсрочку дала.

Солнце уже довольно высоко поднялось, начало припекать. В садке у рыбаков плавали всего три небольшие плотвички. Юрка совсем потерял интерес к рыбалке и поднялся.

– Семеныч, я, пожалуй, пойду. Завтра с утра в военкомат. Так что – бывай!

Дед привстал с ватника, на котором сидел, и неожиданно перекрестил парня.

– С богом! – произнес он как-то торжественно, снова уселся на место и уставился на поплавок.

Пройдя через КПП, Самохин оказался на территории воинской части и огляделся. Справа от выхода висела доска объявлений, самодельный плакат с надписью «Боевой листок» буквально бросался в глаза. Приблизившись, он прочитал: «Сержант Шаров, назначенный дежурным по парку, сварил ведро чифиря. Бродил по части и искал, с кем бы его выпить». Ниже красовалась фотография сержанта с ведром в руках. Юрик залюбовался лихим видом «преступника», который нагло смотрел в объектив и, похоже, не испытывал ни малейших угрызений совести.

– Самохин? – раздался громкий бас за его спиной.

Юра обернулся и увидел здорового детину в хромовых сапогах, фуражке и с погонами прапорщика на плечах. Внушительные габариты прапора поражали: под два метра ростом, широченные плечи атлета и до черноты загоревшее под южным солнцем лицо с тяжелым квадратным подбородком. Прапор обеими руками поправил фуражку, под широкими рукавами форменной рубашки перекатились огромные бицепсы.

Юрка коротко козырнул:

– Так точно! Старший сержант Самохин!

Прапор козырнул в ответ, представился:

– Прапорщик Калмык, – затем резко повернулся кругом и коротко бросил через плечо: – Калмык – это фамилия. Иди за мной.

Слегка удивившись немногословности встречающего, Юра подхватил вещмешок и двинулся за прапорщиком. Несмотря на позднее утро, в части было на удивление тихо. Пока шли, навстречу им попался всего один боец, торопливо шагавший куда-то.

Миновав чисто выметенный плац, они вошли в здание двухэтажной казармы и поднялись по лестнице. Дневальный у входа вытянулся по стойке смирно и уже открыл рот для доклада, но прапор небрежным жестом остановил его:

– Покажи ему койку, боец, – и, уже обращаясь к Самохину, сказал: – Размещайся, жду тебя в канцелярии, здание рядом.

После ухода прапорщика дневальный расслабился, удобно устроился на тумбочке возле двери и ткнул пальцем в сторону кровати у окна.

– Твоя, располагайся.

Юрка не спеша направился к указанной койке, пристроил свой баул в тумбочку рядом и отправился искать канцелярию.

В соседнем здании тоже стояла тишина. По обеим сторонам длинного коридора тянулись двери с табличками, но сразу возникало впечатление, что за ними никого нет. Самохин пошел по коридору, дергая ручки запертых дверей. Перед последней, в самом конце, он замер: за ней два мужских голоса вели оживленный разговор, периодически сопровождая его громким хохотом. Юра толкнул дверь, шагнул и оказался в приемной командира полка. За столом, возле двери с надписью «Командир полка Золотницкий А.Г.», сидел худощавый дрищ с погонами ефрейтора и, брызгая слюной, рассказывал какую-то историю знакомому Юрке прапорщику – тот стоял у окна. Когда Самохин вошел, дрищ умолк и удивленно уставился на него. По-видимому, его привела в недоумение парадная форма десантника и голубой берет, так как в радиусе ста километров не наблюдалось ни одной десантной части. Сделав шаг к ефрейтору, Калмык щелкнул пальцами перед его носом, выводя из ступора, и негромко приказал:

– Прими документы, Свистунов, и поставь десантуру на довольствие.

Ефрейтор отчего-то резко вскочил на ноги, продолжая молча разглядывать десантника. Юрка не счел нужным ничего говорить, вынул из внутреннего кармана пакет с документами и протянул их Свистунову. Тот принял конверт, достал из него документы и принялся копаться в ящике стола, выкладывая на него какие-то папки и журналы.

– Август, все в отпуск слиняли, – как бы извиняясь, лениво растягивая слова, пробасил прапорщик. – На посту только это недоразумение: и за секретутку, и за отдел кадров.

Ефрейтор бросил на прапора обиженный взгляд, но смолчал. Самохин хотел присесть на стоящий в углу стул, пока он копается, но тут послышался грохот хлопнувшей двери и быстрые тяжелые шаги по коридору. Ефрейтор с прапорщиком переглянулись, Свистунов еще ниже склонил голову и уткнулся в документы.

Спустя пару секунд дверь в приемную с треском распахнулась, и в комнату влетел маленький толстый полковник в огромной генеральской фуражке. Едва не опрокинув стол, Свистунов резко вскочил на ноги и замер по стойке смирно. Прапорщик же, напротив, сделал шаг в сторону и прислонился к стене за открытой дверью, выпав из поля зрения полковника. Лицо у того было перекошено от злости, пухлые руки сжаты в кулаки. Он уже раскрыл рот и с шумом втянул в себя воздух – вот-вот заорет, – но тут увидел старшего сержанта в форме десантника, с орденом Красной Звезды на груди, как-то обмяк и удивленно выдавил:

– Ты кто? Зачем здесь?

Юрка лихо поднес ладонь к берету и представился:

– Старший сержант Самохин. Переведен в вашу часть для дальнейшего прохождения службы после ранения.

Вероятно, полковника ответ полностью удовлетворил. Он опять обернулся к ефрейтору и злобно прошипел:

– Свистунов, Калмыка ко мне, срочно!

Услышав свою фамилию, прапорщик оттолкнулся от стены и, приложив руку к фуражке, громко отрапортовал:

– Товарищ полковник! Прапорщик Калмык по вашему приказанию прибыл!

Полковник тут же резко развернулся и, подхватив со стола ефрейтора гранитное пресс-папье, двинулся на прапорщика. У того ни один мускул на лице не дрогнул.

Не понимая подоплеку происходящего, Юрка с неподдельным интересом наблюдал за разыгрывающейся сценой. Хотя можно было догадаться: прапор где-то накосячил, и сейчас его ожидает экзекуция. Тулья полковничьей фуражки приходилась вровень с карманами форменной рубашки Калмыка, поэтому удара в лицо тот мог не опасаться – стоя по стойке смирно и выкатив грудь колесом, он преданно пялился на командира.

Приблизившись почти вплотную, Золотницкий спросил обманчиво-вкрадчивым голосом:

– Калмык, скажи, пожалуйста, что за дрянь вы с Егоровым пили в ремонтном боксе?

Изобразив искреннее удивление, прапорщик громко выпалил:

– Никакой дряни не пили, товарищ полковник! И вообще, прапорщик Калмык с детства ничего, кроме водопроводной воды, не пьет.

Полковник громко взвизгнул и, размахнувшись, врезал по выпяченной груди тяжелым пресс-папье.

– Сука, падла! Пацан чуть богу душу не отдал – а ты мне тут цирк устраиваешь?

Продолжая визжать, Золотницкий методично наносил удары тяжелым канцелярским прибором, и на каждый удар богатырская грудь отзывалась тихим гулом. Однако довольно быстро запал у полковника иссяк, он швырнул оружие расправы в угол комнаты, толкнул дверь в свой кабинет и устало проговорил с порога:

– Пошел вон, урод. Потом поговорим.

Когда дверь за командиром закрылась, прапор расслабился и с ухмылкой поправил на груди рубашку.

– О так! – выдал он, ни к кому не обращаясь. Затем хитро подмигнул Самохину и покинул приемную.

Юрка тоже расслабился и плюхнулся на стул, возле которого приземлилось пресс-папье.

– И что это было? – вопросительно кивнул он Свистунову.

Тот с опаской оглянулся на дверь кабинета и свистящим шепотом ответил:

– ЧП у нас. Два дня назад уволился на пенсию старший прапорщик Егоров. Двадцать лет здесь прослужил, хозчастью рулил. Такой же бычара здоровый, как Калмык, да они и похожи были, прям отец с сыном. Вот по поводу Егоровской пенсии эти два бугая и бухали в ремонтном боксе. Пару пузырей чего-то там раздавили – скорее всего, спирта, – и свалили по домам, приказав молодому бойцу убрать за ними. Там в одной бутылке оставалось немного пойла, ну, парень маханул из горла, все выбросил в мусорку и в казарму потопал. А по дороге свалился без сознания. Хорошо, комвзвода на него случайно наткнулся. Бойца – в госпиталь: ожог пищевода. Но вроде оклемается... Золотницкого из отпуска отозвали. Это он сейчас из госпиталя приехал. Думаю, замнут дело потихоньку...

– А эти двое – в порядке? – поинтересовался Юрка.

– Да чё им будет! Они на двоих ведро вина выпивали, а потом еще по телкам... Здоровые, как кони, – с завистью констатировал Свистунов.

– Реально ведро? – с недоверием уточнил Самохин.

– Реально, сам видел, – обиженно буркнул ефрейтор. – У нас за забором винзавод, там полные цистерны с вином стоят. Как Горбачев сухой закон подписал, вывозить запретили, так и киснет винище. Мы туда с ведром частенько ныряем.

– А зачем тогда ваш сержант чифир варил? – вспомнил Юрка боевой листок у КПП.

– Шаров, что ли? А хрен его знает... Он вообще чудит перед дембелем. Раз десять наш полкан его на губу отправлял. Кого другого уже посадили бы давно, а с ним носятся, потому как руки золотые, любую технику починить может. Полгода назад из металлолома экскаватор собрал – как новый с завода! Они с Калмыком кореша, ГСМ наперегонки гражданским толкают. Ты-то сам каким ветром к нам? – сменил тему Свистунов.

– Да ранили в Афгане. Два месяца здесь, недалеко, в госпитале кантовался. До дембеля уже рукой подать, ну и оставили дослуживать на море. Врач сказал, климат мне здесь подходящий после ранения.

– Ну и как там, в Афгане? – Свистунов уставился на Самохина, готовый услышать интересные истории.

– Никак. Война, – коротко ответил Самохин, не желая продолжать разговор на эту тему. – Ты писать закончил?

Ефрейтор молча протянул Юрке военный билет. Самохин спрятал документ во внутренний карман кителя, кивнул на прощание и поспешил на улицу.

Часть, где предстояло провести последний месяц службы, ему уже нравилась. Похоже, кадрированный полк инженерной техники – веселое местечко.

Прежде Самохин имел слабое представление о кадрированных частях, зная только, что численность рядового и младшего командного состава в них сведена к минимуму: чтоб было, кому казармы содержать в чистоте, технику ремонтировать, стоянки боевых машин охранять. При минимальной численности призывников-срочников такая часть укомплектовывалась офицерским составом под завязку, то есть по штату военного времени. Считалось, что армия, состоящая из кадрированных частей, компактна и экономически необременительна ввиду малых затрат. Сейчас он начинал понимать, что в мирное время такие части развращаются бездельем, гниют дедовщиной, в них махровым цветом расцветают поголовное воровство и пьянство.

За два месяца в госпитале Юркины военные воспоминания уже начинали казаться чем-то далеким и абстрактным, как фильм про Великую Отечественную. О том, что это было на самом деле, напоминало только возникавшее порой ноющее чувство в районе раны. Жестом, ставшим уже привычным, он погладил раненую грудь и нащупал под кителем небольшой мешочек, где вперемешку с землей лежали четыре довольно крупных ограненных драгоценных камня. Бриллианты из Панджшера...

Колбаса из «вертушек» вынырнула из-за перевала и разомкнулась в боевой порядок. Два вертолета зависли в метре над землей, из раскрытого сбоку чрева посыпались бесформенные от боевой экипировки фигурки людей. Юрка прыгал одним из последних и сразу залег, занимая боевую позицию. Сбросив бойцов, вертушки развернулись над горным плато и через несколько секунд скрылись за перевалом.

Группа, в которой воевал Самохин, занималась перехватом караванов с оружием и наркотиками – ими моджахеды расплачивались с Пакистаном за оружие. Сегодня, когда разведка донесла о продвижении каравана с наркотой, их опять подняли по тревоге. Всё как всегда, только на этот раз в рейд с ними пошел майор КГБ, что не укладывалось в обычные правила. Конечно, все операции разведчиков курировало начальство из ГРУ и Комитет, однако участвовать в боевых операциях сотрудники этих структур особо не стремились.

Когда разведгруппа собралась вместе, построилась в шеренгу и все проверили экипировку и оружие, командир, капитан Азамат Текаев, дал команду: «Вперед!»

Времени до прихода каравана оставалось в обрез, но бежать на высокогорье не вариант – сдохнешь через пару километров. Шли быстрым шагом, без привалов, и в полночь были на точке. Легли цепью над входом в ущелье, за камнями.

Около часа было тихо, потом внизу что-то зашевелилось: идут, бородачи... До слуха донесся не то вой, не то мычание. Поет кто-то, что ли? Идут очень удачно: видно как на ладони.

Прогремел одиночный выстрел из калаша – это Текаев отметился, и понеслось... Ураган огня, трассеры, трупы горят, воняет жутко – порохом и горелым мясом.

Всех положить не успели. Пошел ответный огонь. Взлетела ракета, стало светло, как днем. Голос командира: «Вперед!» Мгновенный бросок и огонь в упор.

Вроде все, тишина, ракета погасла, снова ночь.

Несмотря на темноту, Юрка заметил, что лежавший справа гэбэшник поднялся и рванул в сторону за силуэтом убегающего человека. Подумав, что майор решил преследовать душмана, Самохин, не размышляя, бросился за ним, но через пару секунд потерял из вида обоих. Остановившись, он крутил головой, пытаясь понять, куда исчез майор, и тут за нагромождением камней раздался выстрел, за ним короткий вскрик, и все стихло. Самохин осторожно подкрался к каменному навалу и заглянул за него. Майор, опустившись на одно колено, шарил по карманам камуфляжной куртки поверженного душмана.

Успокоившись, Юрка выпрямился в полный рост и окликнул:

– Все в порядке, товарищ майор?

Тот медленно повернул голову, сделал почти неуловимое движение рукой...

Звук выстрела оказался неожиданным, пуля ударила старшего сержанта в грудь, пробила бронезилет и, разрывая плоть, вонзилась в легкие. Дыхание перехватило, во рту появился железистый вкус крови. Юрка выронил автомат, прижал руку к груди и рухнул на землю. Майор поднялся с колена, вытянул вперед руку с пистолетом и двинулся в его сторону – это было последнее, что видел Самохин.

Очнулся он уже в вертолете. Страшно болела туго стянутая бинтами грудь – они буквально душили. Язык перекатывал во рту вязкие сгустки крови. Рядом лежал еще один раненый и тихо стонал.

Хмурые бойцы группы сидели напротив. Заметив, что старший сержант пришел в себя, один из них толкнул в плечо командира. Тот слегка наклонился.

– Как ты, Юрок?

Самохин разлепил спекшиеся от крови губы, но даже это простое движение отозвалось взрывом боли в груди, и он снова впал в забытие.

Вовремя прилетели вертушки, и врач оказался опытным. Заштопали Юрка в лучшем виде. После ранения его должны были комиссовать, однако поскольку до дембеля оставалось два месяца, решили не возиться с документами, а отправить его дослуживать «на курорт» – в кадрированный полк инженерной техники.

Вскоре после операции в палате госпиталя, куда переправили раненого из Афгана, появился штабной особист. Упитанный лощеный тип задавал Юрке вопрос за вопросом: почему отправился за майором, видел ли душмана, что делал майор... Самохин сам не понимал, что случилось в том ночном бою, но, глядя на сытую морду настырного особиста, решил: правду говорить нельзя.

Месяц он мучился догадками, лежа на больничной койке, а когда ему вручали орден Красной Звезды, приехал капитан Текаев и рассказал, как и почему все произошло.

– Если б не тот душман, Юрок, лететь бы тебе на родину грузом двести. Майор стрелял в тебя из ТТ, который возле «духа» валялся. Знал, сволочь, что ТТ пробивает бронежилет с близкого расстояния – не зря его оружием киллеров называют. А может, и не знал, подхватил, что под руку подвернулось – что там между вами было, метров пять? Только не учел он, гад, что не добил душмана, а у того второй ствол имелся. Пока майор на тебя отвлекся, «дух» ему в затылок выстрелил. Почти в упор, не промахнулся. А тебе повезло: пуля в сантиметре от сердца застряла.

– Но почему? Я ведь подстраховать его пошел!

Текаев сунул руку под китель и достал небольшой кожаный мешочек, потянул за тесемку и высыпал на ладонь четыре камушка. Грани отражали свет так, что сразу было понятно – это не стекляшки.

– Бриллианты, – пояснил капитан онемевшему от удивления Юрке. – Мы, когда на место перестрелки подбежали, все уже было кончено. Майор мертв, душман тоже. Вызвали помощь, тебя перевязывали, а потом, перед погрузкой, я документы у майора из кармана доставал и нашел вместе с ними этот мешочек. Думаю, в КГБ послали его с нами в рейд, потому что получили информацию о партии драгоценных камней. А ты майору всю малину порушил. Свидетель! Вот он и решил тебя убить. Не повезло тебе, Юрок. Держи, – он ссыпал камни обратно в мешочек и протянул Самохину, – твоя доля, вроде как компенсация за ранение. Я решил камни поделить! Мы б не взяли – штабные бы себе прикарманили. Сам знаешь, как у них все поставлено.

Это Юрка знал. Захваченные в караванах мешки с деньгами и наркотиками разворовывали. А шмотки из торговых конвоев офицеры растаскивали и переправляли в Союз. Да, громили и сугубо гражданские караваны, они даже были предпочтительнее, чем с оружием и наркотой.

Поблагодарив капитана, Самохин спрятал камни.

Позже, через год, уже на гражданке, он узнал, что Текаева обвинили в убийстве мирных афганцев и чуть не отправили под трибунал, но потом решили просто уволить из армии. Видно, в «конторе» не простили капитану пропавшие алмазы.

Юра потрянул головой, прогоняя воспоминания. Афган остался где-то там, не то что в прошлом – будто в другой жизни, как кадры из кино. В детстве он очень любил смот-

реть фильмы о войне. Тогда война казалась ему наполненной романтикой, которая рождала в неокрепшей душе чувства патриотизма и самопожертвования ради высоких целей. Когда он со своими товарищами летел в Афганистан, им казалось, что это нужно для страны, их манила возможность новых впечатлений и нового жизненного опыта. На самом деле действительность оказалась грязной, кровавой, полной лжи и предательства, низменных страстей, которые как бы спали в душах пацанов, но поперли наружу при столкновении с реалиями войны. Все звенело понемногу...

По лестнице, мимо дневального, в казарму. Оказавшись перед своей кроватью, Самохин вдруг ощутил ужасную усталость: организм, еще не восстановившийся после ранения, требовал отдыха с дороги. Не снимая парадного кителя, он рухнул на армейское одеяло и сразу уснул.

Через два часа его разбудил чей-то тихий голос:

– Товарищ старший сержант, товарищ старший сержант...

Дневальный несмело тряс Юрку за плечо. Тот открыл глаза и недовольно буркнул:

– Тебе чего?

– Калмык приказал разбудить. Вы на обед пойдете?

Юрка сел на кровати, потер ладонями лицо, прогоняя сон, и строго спросил:

– Ты почему мне «выкаешь»?

Рядовой пожал плечами, прыщавая физиономия изобразила виноватую гримасу.

Юра усмехнулся про себя: похоже, прапорщик или Свистунов провели «политинформацию» среди молодых про героя-афганца. Хотя для этого салаги он реально герой: десантура плюс дембель – личность авторитетная.

– Обед, говоришь?

Самохин встал. Есть действительно хотелось, ему все время хотелось есть, с тех пор как начал выздоравливать. На больничной пайке он порядком «подсушился» – так в боксерских кругах называли сгонку веса.

Быстро скинув парадку, он облачился в новенькое х/б армейского образца, которое выдали ему в госпитале. Только голубой берет и торчащий из-под расстегнутого ворота тельник отличали его от обычного солдата. Правда, сидела форма как влитая – знакомая медсестра подогнала по фигуре, и для дембеля Юрка выглядел вполне убедительно.

Он спустился вниз и не спеша, как положено старослужащему, вразвалочку проследовал в столовую. Когда вошел в зал, три десятка солдат уже заканчивали обед. В глубине помещения за отдельным столом сидели два сержанта, и Юра направился туда. Подойдя, представился. В ответ дембеля вполне доброжелательно приветствовали его и предложили устроиться с ними. Одним из сержантов оказался Шаров, фото которого красовалось на боевом листке. Они уже пили чай, на столе стояли алюминиевые миски с крупно нарезанными кусками белого хлеба, сливочного масла и вареными яйцами.

Шаров только оглянулся в сторону раздачи, и тут же с чайником в руках подлетел солдат в белой куртке, наполнил горячим чаем третий стакан. Другой боец принес для Юры две миски: с борщом и гречневой кашей, поверх которой лежал большой кусок мяса.

«Вполне прилично», – оценил Самохин, беря в руки ложку – особенно если вспомнить помои, которыми приходилось давиться в учебке. Конечно, там сержанты тоже питались отдельно, но и их, по сравнению с этой частью, кормили полным дерьмом.

Из дверей в пищеблок появился Калмык. Проследив за Юркиными глазами, Шаров тихо пояснил:

– У офицерского состава здесь свой отдельный кабинет, и повар свой. Тоже солдат, но готовить умеет, прям как в ресторане. На продукты с рынка они сами скидываются. Не на все, конечно, а на то, что у солдат нельзя украсть.

«Нормально устроились! – мелькнуло у Юрки в голове. – Ну и хрен с ними!» Он никогда не был гурманом, хоть и любил поесть от души. Главное, чтобы свежее и побольше.

– Чего расселись, валите отсюда! – рявкнул прапорщик на сержантов, присаживаясь напротив Юрки.

– Ты чё, Миша, не похмелился сегодня? – лениво ответил Шаров, но из-за стола встал и направился к выходу вслед за вторым сержантом.

Калмык тяжело вздохнул.

– Распустились! Дать бы ему по срачельнику...

Негромко рыгнув, он погладил рукой живот. Было видно, что после сытного обеда Калмык пребывает в добром расположении и «давать по срачельнику» ему просто лень.

– Как устроился, боец?

– Спасибо, твоими молитвами.

Юрка уже заметил, что прапор не заморачивается субординацией, и решил перейти на «ты». Калмык воспринял это как должное и продолжил беседу очередным вопросом.

– А здоровье как?

Самохин поморщился. Вопросы про здоровье, особенно от посторонних людей, уже порядком надоели. Подмывало ответить резко, грубо, но он лишь пожал плечами и неопределенно покрутил в воздухе зажатой в руке ложкой.

– Понятненько, – вздохнул прапорщик. – Скажи, что-нибудь привез из Афгана?

Старший сержант невольно напрягся и прекратил есть. Прищурившись, он уставился на Калмыка и после небольшой паузы процедил сквозь зубы:

– Ты что имеешь в виду?

Усмехнувшись, прапор откинулся на спинку стула.

– Да ты не бычься. Здесь все свои. Я про «покурить».

Юра расслабился и снова принялся за еду. Дожевав последний кусок, бросил ложку в миску и, глядя в лицо Калмыку, покрутил пальцем у виска.

– Ты вообще думаешь, когда спрашиваешь? Да меня оттуда вперед ногами везли! Не знал – выживу, не выживу... А ты про «покурить». Смеешься?!

Калмык поднялся из-за стола, хлопнул Юрку по спине своей огромной лапой и дружелюбно пробасил:

– Без обид, старшой. Просто спросил, мало ли...

Одарив старшего сержанта еще одним дружеским хлопком по спине, он быстро и на удивление легко для такой махины пошел к выходу.

Проводив прапорщика медленным взглядом, Юрка взял нож, подцепил масло и с удовольствием намазал его на ноздреватый кусок свежего хлеба.

После обеда он немного послонялся по территории части, выпил стакан холодного лимонада в буфете, вернулся в казарму и завалился спать.

Вечернее построение внесло некоторое разнообразие в скучное течение жизни части. Возбужденный полковник держал перед строем речь, в основном состоящую из угроз отправить всех в дисбат. По-видимому, стоящие в строю к этому привыкли и явно скучали. Только Самохин внимательно слушал командира и наслаждался его умением выстраивать сложные словесные конструкции практически из одного отборного мата. Наконец полковник выдохся, безнадежно махнул рукой и дал команду разойтись. Бойцы строем проследовали в казарму.

Днем Самохин отлично выспался, поэтому решил предпринять вылазку в город, осмотреть окрестности. Ввиду последних событий надеяться на увольнительную не приходилось, оставалось одно – «самоход».

Присев рядом с подшивающим воротничок Свистуновым, Юра вполголоса спросил у него, как удобнее свалить из части. Свистунов воровато оглянулся и так же тихо объяснил, что

в той стороне забора, которая примыкает к винзаводу, несколько досок болтаются на одном гвозде.

– Из завода выберешься, и направо. До городского парка на автобусе, – завершил Сви-
стунув.

Уже через пять минут Юрка нашел лаз на территорию винзавода, там перемахнул еще один невысокий забор и оказался на широкой пустынной улице. Следуя инструкциям ефрей-
тора, он направился к видневшейся невдалеке автобусной остановке.

Щербатая скамейка под железным козырьком оказалась пыльной, и он остался стоять, чтобы не пачкать новенькое х/б. Парадку десантника Юра не надел, рассудив, что так проще уходить от патруля.

Минут через пять подошел абсолютно пустой автобус. Он довольно долго и уныло тащился мимо бесконечных заборов с возвышающимися за ними ангарами; изредка на обочине попадались пыльные деревья, людей вообще не было видно. Поворот за поворотом, одна улица промзоны за другой – казалось, скучный пейзаж никогда не кончится... Но вот автобус вывернул на довольно оживленный проспект, и на очередной остановке толпа народа миглом заполнила пустой салон. Через некоторое время Самохин услышал нужное ему название «Городской парк» и стал торопливо протискиваться к двери.

После автобуса на улице дышалось особенно легко. Воздух, наполненный запахом близкого моря и маслянистым ароматом кипарисов, слегка кружил голову. Юра огляделся и заметил огромные кованые ворота – вход в городской парк. Привычным движением одернув китель, он не спеша двинулся в ту сторону.

Довольно долго он бродил по аллеям, наслаждаясь буйством зелени вокруг. Давно он не видел ее в таком количестве: там, где он воевал, деревья почти не растут. Навстречу ему попадались пожилые пары, медленно прогуливающиеся под ручку; на скамейках целовались влюбленные; компании молодняка смеялись над чем-то, гомонили. Наблюдая за играющей на детской площадке ребятней, Самохин думал: «Вот она, мирная жизнь, о которой мы мечтали в горах: беззаботные люди вокруг, и нет стрельбы, крови и погибших товарищей... Что может нарушить такое банальное, но очень дорогое спокойствие?..»

– Война, все может изменить война, – вслух сказал парень сам себе и, усмехнувшись, тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли. – Лезет всякая дрянь...

Начинало смеркаться, и он направился к выходу из парка.

Автобус пришлось ждать довольно долго, и это оказался последний рейс на сегодня. Один в пустом салоне, он добрался до места и выскочил в темноту, но тут же остановился – неподалеку шла драка. Юра пригляделся: шестеро молодых парней в штатском пытались свалить дюжего военного, а тот отбивался от них, как медведь от своры собак. Один из нападавших висел у гиганта на спине, обхватив за шею, остальные как попало наносили удары. Решив, что это не его дело, Самохин уже хотел проскочить мимо, но неожиданно понял: это же Калмык!

Недолго думая, он сунул пилотку за поясной ремень и рванул на помощь. Напавшие на прапорщика не сразу сообразили, что к драке еще кто-то присоединился. Только когда от удара по почкам на землю с диким воплем рухнул висящий на Калмыке парень, они повернулись к Самохину. Но момент был упущен. Юрка бил профессионально, наверняка: пальцами в печень, сапогом в колено – и вот уже трое валяются на земле, корчась от боли. Освободившийся от захвата Калмык молча расправился с остальными. Размашистыми ударами он уложил их на землю и стал добивать ногами. Немного понаблюдав, Самохин дернул прапора за рукав и кивком предложил сваливать на территорию части. Калмык с сожалением прервал свое занятие, пнул кого-то еще разок и последовал за старшим сержантом.

Юрка думал перебраться через забор винзавода, но Калмык повлек его в сторону, к небольшой металлической калитке. Все еще тяжело дыша, он достал из кармана ключи.

Спустя пять минут они уже сидели в каптёрке у Калмыка. Тот стянул разорванную рубаху и под краном стал смывать кровь и пот с расцарапанной физиономии. В сложенных ковшиком ладонях умещалось не меньше пол-литра воды.

– Ты откуда появился? – спросил он, распрямляясь и протягивая руку за полотенцем.

– Из города на автобусе приехал. Гляжу – тебя убивают. Решил встрять.

Калмык небрежно махнул рукой.

– Убивалка у них еще не выросла. Это братья Гончаровы с корешами. Решили меня поучить... Нажрались – и герои! Вот увидишь, завтра с пузырем придут мириться.

Юра с сомнением покачал головой.

– Завтра они лечиться будут. Мы их от души... А чё хотели-то?

– Вроде как я у них телку отбил.

– А ты не отбивал?

– Да я ее и видел всего один раз! Прикинь, она к Егорову бегала, а эти дебилы решили, что ко мне. Ну, теперь я им устрою веселую жизнь...

Юра хохотнул:

– Они уже веселятся. Недели две отходить будут.

Прапорщик согласно кивнул, затем вытянул вперед руку с выпрямленными пальцами и ткнул ими воздух.

– Где так насобачился? Я думал, в десантуре только руками махать учат, а ты прям как в кино. Три удара – восемь дырок.

Самохин слегка поморщился. Обычно он не любил распространяться на такие темы, но отчего-то гигант прапорщик вызывал у него симпатию.

– Я же в спецназе служил. До этого боксом четыре года занимался. Да и командир в Афгане гонял нас, как собак.

Калмык удивленно поднял брови.

– Так вы вот это, – удивленно подняв брови, Калмык опять повторил ладонью Юркин удар, – друг на друге отработывали?

– Нет, на пленных.

– Как так? – поразился прапорщик.

– Как, как – молча! – психанул Юрка. – Просто отработывали на живом человеке разные точки: куда бить, рукой или ножом, чтобы с первого раза, чтобы раз – и все! В бою секунды решают, начнешь возиться – тут тебе и конец. «Духи» тоже ребята подготовленные, воевать умеют.

– А ты... много людей убил?

Юрка усмехнулся.

– Не знаю. Я девять раз в засады ходил. Когда бьешь из калаша – не считаешь.

Калмык понимающе покивал и, неожиданно хлопнув старшего сержанта по плечу, полез в шкаф.

Через секунду на столе появились банка мясных консервов, копченая колбаса, хлеб и бутылка вина. Отработанным движением Калмык вскрыл консервы, содрал оболочку с колбасы, нарезал ее крупными кусками, затем накромял хлеб и выдернул штопором пробку из бутылки. Юра молча наблюдал за приготовлениями, но когда в стаканы полилась янтарная жидкость, протестующе поднял руку, отказываясь от выпивки. Калмык удивленно уставился на него.

– Чё так?

– Да как-то привык без этого, – поморщился Юрка, – всегда спортивный режим соблюдал.

– И в Афгане не пил? – искренне поразился прапорщик.

– Там было, но в меру. А здесь все нужно начинать сначала.

– В спорт вернуться собираешься?

– Хотелось бы. Доктор сказал, что скоро я должен полностью восстановиться.

– Ну вот и начнем путь к полному восстановлению. Вино отличное, кладовщица с вин-завода подогнала. Тем более мы ж без фанатизма – по стаканчику.

Юра поднял стакан и понюхал: терпкий аромат сухого вина с нежными нотками фруктов, интимный и очень приятный. Он согласно кивнул и, чокнувшись с Калмыком, отпил глоток. Вино действительно было очень хорошее.

– Для райкома делают, – прокомментировал Калмык, ставя пустой стакан на стол. – Умеют, когда захотят! Горбатый, сука, им весь бизнес поломал. Виноградники вырубил: то ли под арбузы, то ли под кладбища. Хрен поймешь этих придурков...

Юрка молчал, опустив глаза. Там, откуда он прибыл, подобные речи звучали часто, но здесь, в Союзе, он еще не знал, как реагировать.

Видимо, Калмык понял, и небрежно пояснил:

– Ты привыкай. Этих козлов уже никто не уважает. Сами, сволочи, с жиру бесятся, а народу что остается? Что скомуниздил, то и сожрал... Вот если нечего переть, тогда приходится жить честно, с восьми до пяти.

Вместо ответа Самохин залпом осушил свой стакан.

– Да ладно, Миша, я уже давно по этому поводу не заморачиваюсь. Ты бы видел, что наша верхушка в Афгане творит! Тащат все подряд, как перед потопом. За деньги все продают. Даже звания, ордена, должности. Транспортники битком забитые барахлом в Союз улетают. Бойцы, кто попроворнее, тоже стараются не отставать...

– Ну и правильно делают! – кивнул Калмык. – А ты, я так понимаю, пустой прикатил?

– Как-то не срослось у меня со шмотками. Главное – живой и здоровый.

Миша снова плеснул в стаканы.

– Ну, тогда за главное!

Самохин открыл дверь в родной боксерский зал, и в нос ему ударил густой запах пота. На тренировке им пропитано все: перчатки, майки, трусы. Это амбре начисто глушило попытки системы вентиляции облагородить атмосферу. Юра глубоко вдохнул неповторимый запах детства, запах успеха и побед, запах, который снился ему два года...

Несколько «мальков», неуклюже разбрасывая руки, яростно лупцевали боксерские груши и мешки, еще двое, постарше, крутили скакалки. На ринге шел спарринг. Парни лет семнадцати довольно грамотно боксировали под наблюдением совсем молодого тренера в мятом, с разводами высохшего пота, спортивном костюме. Юра невольно поморщился. Он с малолетства был приучен матерью к чистоте и порядку, а служба в армии только усугубила это качество.

Старательно обходя разложенные маты, он приблизился к рингу и стал наблюдать за боем. Непривычные шлемы – надевать их любителей обязали недавно – скрывали лица боксеров.

Наконец тренер остановил бой и начал разбирать ошибки. Прислушиваясь к замечаниям, Юрка засомневался в его квалификации. Советы были не то чтобы совсем бесполезные, но какие-то академические и звучали как заученный урок. Перестав слушать, он поискал глазами Иваныча, но тут неопытный тренер обернулся.

– Молодой человек! Вы что тут забыли?

Высокомерный, резкий тон вызвал раздражение, захотелось осадить незнакомца. Однако Юра сдержался: не дело унижать тренера перед учениками. Он не ответил, а нахал продолжал наезжать.

– Ты что, глухой?

Самохин стиснул зубы, а затем, внешне совершенно спокойно, проговорил:

– Да вот, искал партнера для спарринга, но не вижу тут боксеров, одни «быки».

Лицо у тренера перекошилось.

– Это ты, что ли, боксер?

Юра пожал плечами.

– Я из армии вернулся, просто хотел размяться.

Тренер окинул его оценивающим взглядом: спортивный костюм, кроссовки – все какое-то не модное, не современное. Пожав плечами, сделал приглашающий жест.

– Могу показать тебе пару ударов, если не засышь.

Юра кашлянул в кулак, чтобы не рассмеяться, и ловко нырнул под канаты. Один из парней попытался что-то сказать тренеру, но тот резко оборвал его и приказал валить в душ.

Когда боксер снял шлем, Самохин его признал, подмигнул и попросил одолжить перчатки и бинт. Тот быстро метнулся в раздевалку и принес сухие бинты. Из дверей душевой несколько ребят с любопытством наблюдали, как Юра бинтует руки.

Месяц до дембеля прошел не зря. Пытаясь восстановить форму, он ежедневно тренировался. Все, что было для этого нужно, добыл Калмык. Мало того, он стал Юркиным спарринг-партнером, терпеливо выдерживая нагрузки. Похоже, ему самому было интересно познавать премудрости боксерской науки. Самохина поражало, как быстро новый друг усваивает необходимые навыки. Уже через две недели прапорщик прилично двигался и научился правильно наносить удары. Единственное, что ему пока не давалось, – это защитная стойка. Он не мог удержать руки перед лицом и часто пропускал удары, однако это с лихвой компенсировалось его выносливостью и физической силой. Сам он бил так, что запросто мог одним ударом отправить Юрку в нокаут – того спасало только превосходство в технике и движении. Самохин не сомневался, что если бы Миша с детства занимался боксом, то мог бы стать отличным супертяжеловесом чемпионского уровня.

Закончив приготовления, Юрий сделал несколько разминочных движений и вышел на середину ринга. Хамоватый тренер сразу ринулся в атаку, пытаясь достать его прямыми ударами. Технику парня можно было оценить как достойную, он неплохо двигался, пытался готовить атаки, однако ему было далеко даже до растерявшего форму дембеля. Юра несколько раз технично ушел от ударов, а когда тренер попер буром, поднырнул под его руку и провел хук снизу в челюсть. Противник резко выдохнул и рухнул на колени. Самохин обеспокоенно склонился над ним, опасаясь, не переборщил ли, но тот довольно быстро пришел в себя и вскочил на ноги. «Избиение младенцев» не входило в Юркины планы, он решил прекратить бой.

И в этот самый момент за спиной раздался строгий и до боли родной голос:

– Что тут происходит?

Молодой тренер растерянно застыл, лихорадочно пытаясь стянуть с рук перчатки. Юра не торопился оборачиваться. Он освободил руки, начал разматывать бинты и только тогда повернулся к Иванычу лицом.

– По-онятно, – протянул пожилой тренер и, улыбаясь, направился к канатам. Выпрыгнув из ринга, Юрка сразу попал в его объятия. Иваныч растроганно хлопывал своего воспитанника по спине, потом отстранился и с нежностью ткнул кулаком Юрке в челюсть.

– Засранец, за два года два письма! А мне гадать, где ты и что... Только у матери твоей и узнавал новости.

Юрка виновато развел руками.

– Не обижайтесь, Виктор Иваныч. Просто служба – какие там новости? А за то, что маме помогали, огромное спасибо!

– Когда приехал? – легонько двинув его по шее, спросил Терехов.

– Вчера вечером. Даже на учет не встал – сразу к вам.

Тренер довольно хмыкнул.

– А матери почему только через месяц позвонил, что ранен?

– Виктор Иваныч, – Юрка нахмурился, – ну хоть вы не воспитывайте! Заживать стало, тогда сообщил. В общем, все нормально. Здоров полностью. Как у вас дела?

Старик неопределенно взмахнул рукой.

– С Генкой, я вижу, уже познакомился? Он у меня молодых тренирует.

Гена открыл рот, собираясь вклиниться в разговор, но Иваныч осадил:

– Помолчи уже. С тобой я еще поговорю. Ты хоть понимаешь, с кем спарринг устроил? Да он тебя в первом раунде положит, даже с поломанной рукой!

Увлекая Самохина к окну, он проворчал:

– Его дело парней натаскивать, а не спарринги устраивать! Помощничек... Но без него никак, у меня ж теперь два зала, Юрок. Вначале прямо на складе отгородили небольшое помещение, сделали душевую, раздевалку и небольшой зальчик. А год назад я убедил директора обогатительного комбината открыть при предприятии секцию бокса для детей. Он распорядился для занятий целый этаж административного здания выделить, ремонт сделали – получился отличный спортзал с рингом на помосте. Интересно стало работать. Есть пацаны перспективные, но, если честно, таких, как ты, нет. Ты у меня один такой... КМС в семнадцать лет!

– Так это и ваша заслуга! – отозвался Самохин с искренней благодарностью.

Терехов довольно улыбнулся и спросил:

– Ну а ты как? Уже решил, чем будешь заниматься?

Юрка потянулся и резко ударил по ближайшей боксерской груше.

– Через год в институт попробую, а сейчас найду работу. Ну и бокс, само собой. Очень соскучился я по всему этому.

Виктор Иванович подхватил его под руку и потащил к выходу.

– Пойдем, новый зал покажу, здесь недалеко.

Он привел Юру в просторный светлый зал с рингом на помосте. Канаты, маты, груши – все было добротное, новое, и вообще зал блистал чистотой и порядком. Несмотря на то, что сейчас здесь тренировалось около двадцати человек, воздух был довольно свеж и прохладен.

– Неужели и кондиционеры поставили? – удивился Юра.

Терехов рассмеялся.

– Ну, ты уж совсем замахнулся! Просто промышленные вентиляторы с шахты. Тянут так, что к решетке присасывает.

Юра уважительно покачал головой.

– Честно говоря, не ожидал. Это кто же так раскошелился?

– Я же говорю, директор, Малахов Ваня. Помнишь его? Он иногда тренироваться приходил. Любит бокс.

Юра вспомнил, что примерно раз в неделю у них в зале появлялся человек в строгом костюме. Он приходил довольно поздно, когда тренировка уже заканчивалась, переодевался в спортивную форму и начинал колотить грушу. С пацанами он никогда не общался.

– Кстати, это он тогда не дал тебя посадить, – неожиданно выдал Терехов.

– Честно говоря, я думал, это вы меня отмазали, – удивленно распахнул глаза Юра.

Тренер скривился:

– Что за жаргон, сынок?! Отмазали... Восстановили справедливость! Ну, я, можно сказать, тоже поучаствовал. Когда Косматенко позвонил, я сразу к Малахову – так тот даже утра дожидаться не стал, прямо ночью к начальнику милиции домой, он ему кум. Ну а утром они уже всех собрали и придумали, как тебя... как справедливость восстановить. Вот так все было.

Юра молчал. Он мысленно вернулся в прошлое. За время службы он проделывал это неоднократно, вновь оценивая случившееся, и каждый раз в нем всё больше и больше крепла уверенность в том, что поступил правильно. Да, жизнь могла сложиться по-другому – проще,

легче, – но тогда сегодня он бы не чувствовал себя настолько уверенно, до сих пор оставался бы напыщенным, восторженным юнцом. Служба и война практически полностью изменили его взгляды на жизнь. В каком-то смысле он стал циничнее, многие прошлые проблемы и мечты теперь казались мелкими и никчемными. В принципе, не всё ли равно, кто сыграл главную роль в его судьбе? Ясно одно: есть близкие люди, которым он дорог и которые дороги ему, а остальные просто должны не мешать им жить. Всё просто и понятно, как армейский устав.

После минутной паузы Юра пожал плечами и подвел итог разговору:

– Всё! Отболело. Теперь другая жизнь, будем смотреть вперед.

Терехов согласно кивнул. Хлопнула входная дверь. Юрка не успел обернуться, как кто-то запрыгнул ему на спину. От неожиданности он на секунду застыл, потом захватил руку нападавшего, рванул ее вниз и резко упал на колено. Через мгновение он уже всем телом прижимал к полу широкоплечего, модно одетого парня, налегая предплечьем ему на кадык. Тот хрипел, судорожно перебирал ногами, тщетно пытаясь сбросить с себя тяжелое тело. Только через пару секунд Юрка смог рассмотреть нападавшего в лицо и разом отстранился.

– Витал, ты?!

Он вскочил на ноги и помог Виталику подняться. Парень явно пребывал в шоке, потирал горло, громко откашливался и отплевывался. Виктор Иванович гневно прикрикнул:

– Нашел где плеваться! А ну-ка прекрати!

Юрка укоризненно взглянул на тренера, покачал головой. Он хотел обнять друга детства, но тот уперся ему рукой в грудь. Виталик всё еще не мог прийти в себя, делал глубокие вдохи, жмурил глаза. Наконец хрипло проговорил:

– Юрок, ты чё, рехнулся? Так и придушить мог!

Самохин схватил его за плечи, на секунду прижал к себе.

– Прости, братуха, инстинкт сработал. Не отошел я еще.

Виктор Иванович, скрестив руки на груди, наблюдал за друзьями. Он понял, что его воспитанник очень изменился, только не мог решить, хорошо ли это.

– Ну что, Виктор Иваныч, мы пойдем? – обернулся Юрка к тренеру. – Завтра мне во сколько можно прийти?

Терехов неопределенно мотнул головой.

– Зал открыт с девяти. Так что прямо с утра можешь подтягиваться. Посмотрим, что с твоей «физикой», а там видно будет...

На прощание Самохин крепко пожал руку тренеру.

– Куда пойдем? – спросил Виталик, когда друзья покинули спортзал.

– В военкомат. Надо на учет встать.

– Я с тобой. Долго там?

– Минут пятнадцать, полчаса, – пожал плечами Юра.

– Тогда я сгоняю кое-куда. Только ты без меня не уходи!

Когда Юра вышел из дверей военкомата, его друг сидел на лавочке с большим газетным свертком в руках.

– Давай к реке, отметим твое возвращение, – сказал он, поднимаясь и слегка тряхнув пакетом.

Когда Юрка оказался на безлюдном сентябрьском пляже, ему сразу вспомнился день, с которого все началось. Короткая драка, Рита, плачущая у Ромки на плече...

Девушка друга, в которую он был влюблен. В учебке он еще вспоминал Риту, а потом... Потом все это отошло на второй план.

Несмотря на жару под тридцать градусов, вода была довольно холодной. Юру всегда удивляло, что ровно первого августа река остывала. «Илья-пророк в воду камень холодный бросил», – говорила ему когда-то бабушка. «Для чего?» – спрашивал маленький Юрка. «А чтоб люди помнили: скоро лету конец».

Постояв немного у кромки воды, он все-таки решил окунуться. На призыв рвануть в плывь наперегонки Виталик только лениво отмахнулся.

Сбросив парадный мундир десантника, в который облачился по случаю посещения военкомата, Юрка сделал несколько упражнений, разминая мышцы перед заплывом.

Виталий прилег на траве под ивой и молча наблюдал за другом. Да, это был все тот же Юрка Самохин, веселый парень, но почему-то сейчас рядом с ним Виталик ощущал себя неопытным подростком. От Юрки исходила какая-то настороженная стариковская мудрость. Когда они спустились к реке в поисках места для пикника, Виталик заметил, что друг ступал, немного пригибаясь, и как бы все время рассчитывал, куда поставить ногу.

Разминаясь, Самохин повернулся, и Виталик рассмотрел шрам от пули чуть ниже левой грудной мышцы. Перехватив его взгляд, Юрка машинально погладил рукой место ранения.

– Больно было?

Уловив сочувствующие нотки в голосе друга, Юра улыбнулся.

– Ты, блин, еще прослезись! Боль – ерунда. Самое страшное – неизвестность. Лежишь в госпитале и не знаешь, чем все это закончится. А вокруг парни: кто без руки, кто без ноги, кто трясется контуженный. Насмотришься всякого, и такая дрянь в голову лезет... Врач говорил, что мне страшно повезло. И пуля неглубоко, и не задела ничего серьезного. Не болит уже давно, только иногда ноет немного, – чуть помолчав, он завершил: – Вообще-то ты, Витал, правильно сделал, что от армии откосил.

– Что сразу «откосил»! – возмутился Виталик. – Во-первых, мне, в отличие от тебя, восемнадцати не было, а во-вторых, если бы я даже не поступил в институт, батя все равно бы никуда не пустил. Тебе известно, что он про Афган думает.

Лицо у Самохина помрачнело, глаза настороженно замерли.

– Знал бы ты, насколько он прав... Война, она только с виду – подвиги, слава и ордена, а на поверку это полное дерьмо, перемешанное с кровью и смертью. Так что ты батю своего благодарить должен. И, знаешь, не чеши языком почем зря. Никому, кроме органов, не интересно, что твой папаша на самом деле думает.

Григорий Иванович Лядов, отец его друга, всю жизнь проработал парторгом на шахте. Работа непыльная, зато дающая немалое влияние и авторитет в городе. Обычно с таких должностей выдвигали в райком или горком партии, и многие, с кем он начинал, пошли по карьерной лестнице выше, но Григорий Иванович никогда не рвал жилы, чтобы достичь большего. Ему тоже не раз предлагали перейти в горком, однако он всегда находил причины вежливо отказаться. Не то чтобы Лядов был лишен честолюбия, только направлял он его в другое русло, а «высоко летать» считал делом небезопасным и глупым – оттуда падать больно. Где теперь те, кто обошел его на старте и поглядывал свысока?.. А он спокойно просидел в своем кабинете до самой пенсии. Семья Лядова имела и уютный трехкомнатный коттедж в шахтном поселке, и «жигули», и все остальное, считавшееся престижным в стране тотального дефицита. А главное, за годы работы парторгом он приобрел связи. Большинство сотрудников горкома партии не имели доступа на продуктовую спецбазу, где отоваривались только партработники высокого ранга, а отцу Виталика привозили заказ прямо на дом. Связи и доступ к материально-производственной базе шахты открывали почти безграничные возможности.

Несмотря на благосостояние семьи, Виталий рос отнюдь не маменькиным сыночком, хотя папаша и держал его в ежовых рукавицах. Характер у парня был довольно грубый, своенравный, а от отца он унаследовал житейскую хитрость. В детстве Виталик часто ввязывался в драки, приобрел колоссальный опыт уличных боев и мог спокойно постоять за себя. Крепкий и сильный от природы, он стал бы неплохим спортсменом, но после месяца занятий в секции бокса умудрился измордовать двух одноклассников, за что Виктор Иванович с треском его выгнал.

Живой и общительный, Виталик имел огромное количество друзей. Нельзя сказать, что он был душой компании, но ребята почему-то тянулись к нему. Однако близких друзей было всего двое: Юрка и погибший Рома. Виталик понимал, что в их компании играет роль ведомого, но это не тяготило парня – он никогда не стремился стать лидером.

Закончив махать руками, Юрка разбежался, нырнул в мутную воду и, отфыркиваясь, размашисто поплыл на середину реки. Метров через тридцать он резко повернул назад.

– Ну как? – с издевкой спросил Виталик, глядя, как Юрка, дрожа, сгоняет ладонями воду с тела.

– Холодная, но кайфово!

– Ну-ну, – хмыкнул друг.

Юра опять начал махать руками, теперь чтобы согреться, но вдруг перестал.

– А ты у Семеныча на похоронах был?

Дед умер через год после его ухода в армию. Мать писала, что однажды после рыбалки он зашел к соседке и сказал: «Пойду помирать». Та, занятая домашними хлопотами, не придавала особого значения его словам: старики любят о близкой смерти поговорить, а этому с чего помирать – сроду не болел. Через пару часов она решила отнести деду свежих пирожков и нашла его уже мертвым. Семеныч, необычно гладко причесанный, в новой рубашке, лежал на лавке, сложив руки на груди. Станичники были поражены его смертью: еще вчера дед бодрячком ходил, а тут вдруг раз – и всё. Будто сам себе срок наметил.

– Нет, я тогда летнюю сессию сдавал, – пожимая плечами, ответил Виталик. – И потом, я ведь с ним так близко, как вы, не общался. Недавно мимо с батей проезжали, видели: хата стоит заколоченная, никто не занял.

Юрка задумчиво покивал. После войны он уже довольно спокойно относился к смерти, как к неизбежной составляющей этого мира, да и прожил дед немало, и все равно было жаль. Для него Семеныч был вроде исповедника: ему можно было рассказать обо всем, зная, что дальше это не пойдет.

Пока друг обсыхал, Виталик расстелил под деревом газету и выложил нехитрую снедь. Последними на импровизированной скатерти появились две бутылки сухого вина. Выставляя их, Виталик взглянул вопросительно. Юрка усмехнулся, присел на корточки, ухватил бутерброд с колбасой и скомандовал:

– Наливай!

Потом они долго лежали в тени раскидистой ивы и перемывали косточки друзьям и знакомым. Витал был в курсе всех городских новостей: кто, где, с кем...

– А Рита как? – вдруг спросил Юра.

– Понятия не имею. Последний раз видел ее на похоронах Ромы. Может, уехала?

Юрка не рассказывал ему, что был влюблен в эту девушку, и подумал, что сейчас признаваться тоже не стоит.

Они возвращались, когда над городом сгустились серые сумерки и в окнах домов зажегся свет. Виталик явно не хотел расставаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.